

ДИСКУССИЯ О ДОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ 1920-Х ГГ.

Давид Дамте¹

В статье рассмотрена дискуссия советских психологов и философов 1920-х годов, посвященная теории дологического мышления Люсьена Леви-Брюля. Были выявлены основные этапы полемики, раскрыт вклад конкретных исследователей (Р. М. Выдра, А. А. Богданов, Ф. Месин (Ф. А. Коган-Бернштейн), В. И. Мамлеев и др.) в решение проблем, возникших во время обсуждения. Принимая идею социальной обусловленности мышления и представлений человека, исследователи считали главными недостатками теории Леви-Брюля слишком сильный разрыв между мышлением примитивных и современных людей и недостаточную разработку понятия коллективных представлений. В работе были проанализированы и введены в научный оборот малоизученные источники и архивные материалы, в частности документы, относящиеся к деятельности Института философии Коммунистической Академии. Показано значение дискуссии в контексте общепсихологических и философских исследований тех лет, посвящённых проблеме мышления, и более конкретно — для развития психологии религии, в том числе в связи с обсуждением вопроса о специфике религиозного сознания и религиозных представлений.

В истории отечественной психологии религии 1920-е годы были одним из наиболее плодотворных периодов. Если смотреть названия научных и научно-популярных работ того времени, мы едва ли найдем среди них большое число материалов по проблемам психологии религии. Тем не менее они активно обсуждались, о чем свидетельствуют как опубликованные, так и неопубликованные (архивные) источники. В это время выделяются несколько направлений психологии религии — рефлексологическое,

¹ Кандидат философских наук, редактор Издательского дома «Дело» РАНХиГС, доцент кафедры теологии и религиоведения РПУ.

марксистское, а также психоаналитическо-марксистское, описанное нами в других работах¹. В настоящей статье, являющейся продолжением указанных исследований, речь идет об одном сюжете из истории психологии религии этого периода, раскрывающем ее связи, с одной стороны, с психологией мышления, а с другой, — с социальной (общественной, как ее тогда называли) психологией.

Началом дискуссии о дологическом мышлении стали две статьи философа и социолога Р. М. Выдры — «Объективный момент в парциальном мышлении» (1924 г.) и «Загадки первобытного мышления и их разгадка» (1925 г.). Первая из перечисленных работ посвящена анализу ставшей тогда популярной теории Л. Леви-Брюля с точки зрения марксизма. Вторая носит полемический характер и представляет собой ответ на статьи А. А. Богданова середины 1920-х годов, где мыслитель предпринимает попытку объяснить особенности мышления примитивных людей, в частности, как он его называет, «алогизм», и для этого соединяет свою теорию «трудовых рефлексов» с теорией Л. Леви-Брюля².

Для начала Выдра пытается определить, в чем заключается новизна и ценность подхода Леви-Брюля. Он указывает на несколько моментов. Леви-Брюль одним из первых заговорил об исторической изменчивости мышления, о типах мышления: переход от одного типа к другому сложен и занимает длительное

¹ Дамте Д. С. Психология религии В. И. Мамлеева // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Т. 80, № 6. С. 83–96. Его же. Об основных направлениях советской психологии религии 1920-х гг // Религиоведческие исследования. 2019. Т. 19, № 1. С. 50–73. Его же. Психологическая теория религии М. А. Рейснера // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. Серия: Философия. 2020. № 1. С. 146–157.

² Богданов А. А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической Академии. 1923. № 3. С. 16–27. Его же. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник Коммунистической Академии. 1925. № 10. С. 67–96. В последней работе приводится краткое изложение теории «трудовых рефлексов» и соответствующего понимания процесса производства. Заметим, что эти идеи Богданова восходят к работам 1900-х годов, где он обосновывает возможность применения принципов науки о жизни, например, принципа развития, в науках об обществе (См.: Богданов А. А. Развитие жизни в природе и общества // Из психологии общества. СПб, 1906. С. 98-109).

время. Выдра считает важным, что Леви-Брюлю удалось показать влияние на примитивного человека особого рода представлений, называемых коллективными, в которых суммируются опыт и знания предшествующих поколений. Восприятие человеком мира с самого начала осложнено множеством влияний, которые он может не осознавать. Всякий «объект дан первобытному сознанию не непосредственно, а через посредство социальной призмы»¹. Связи между вещами, которые устанавливают люди примитивных культур, также определены коллективными представлениями, а не объективно фиксируемыми свойствами вещей. Такое мышление может быть «нечувствительным» к формально-логическим противоречиям. Это обуславливает особенности памяти и выражения мыслей у первобытных народов (к ним мы еще вернемся). Выдра вполне разделяет эти взгляды французского антрополога.

В теории Леви-Брюля есть, однако, по его мнению, один существенный недостаток: выявляя определенные закономерности, он никак не затрагивает вопрос об их связи с практической жизнью человека. Не отрицая роли коллективных представлений и подчеркивая значение закона партиципации (сопричастия), установленного Леви-Брюлем, Выдра ставит задачу вывести эти основания из «необходимости, присущей противоречиям хозяйства первобытного племени», поскольку «в ней и заключается объективный момент необычайной сложности первобытного мышления, момент, который объясняет нам, как люди с парциальным мышлением не только представляли себе мир, но и могли в нем жить»². Иначе говоря, он хочет раскрыть связь мышления примитивных людей с их хозяйственной деятельностью.

Выдра указывает на половые и возрастные различия членов сообщества, подчеркивая, что необходимость сохранения всей группы требует передачи опыта наиболее зрелой ее части остальным. Внутри сообщества происходит, как называет его исследователь, вытеснение или замещение опыта отдельных групп

¹ Выдра Р. М. Объективный момент в парциальном мышлении // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 119.

² Там же. С. 126.

опытом одной единственной группы, причем не путем обучения, «а гораздо более доступным путем физического и общественного воздействия на менее зрелые группы со стороны старшей, воздействия, отражающегося на мышлении и создающего в нем новый продукт. Тот факт, что мы находим этот продукт готовым, служит лишним доказательством огромного исторического процесса, в течение которого коллективные представления и закон партиципации создавались»¹. Объективный опыт, выраженный в коллективных представлениях, передается не сам по себе, а «в форме принудительного, насильственно навязываемого отношения к миру. Формальное выражение этого противоречия и есть закон партиципации. Будучи по существу посредством, формой, отделившейся от содержания, он сам становится непосредственной силой, определяющей образ мышления и действия первобытного племени. Но это несколько не уничтожает его производный характер, его зависимость как средства от основной движущей силы — полового и возрастного деления племени и вытекающих отсюда противоречий. В них именно лежит объективная необходимость возникновения закона партиципации и его господства»². Соответственно, с уничтожением противоречий первобытного общества мышление по закону партиципации уступает место другому типу мышления.

Таким образом, принимая базовые идеи Леви-Брюля, Выдра дополняет их анализом с точки зрения марксистской теории.

Полемизируя с Богдановым, который стоял на позициях достаточно популярного в те годы рефлексологического учения, Выдра показывает несовместимость последнего с понятием коллективных представлений и принципом партиципации, составляющими фундамент концепции Леви-Брюля. Исследователь замечает: «Основное качество коллективных представлений — независимость от индивидуальной психики и способ их приобретения в момент посещения указывают не на механическое столкновение рефлексов, а на исторически выработавшуюся форму образова-

¹ Там же. С. 132.

² Там же.

ния опыта первобытного рода путем воздействия старшего поколения на младшее»¹.

Выдра развивает свою идею о том, что мышление примитивных людей не является простым, оно опосредовано сеткой коллективных представлений; его основа не в естественных факторах, например рефлексах, но в противоречиях практической жизни людей, проистекающих из половозрастных различий. Поэтому, говорит он, «руководство всей деятельностью первобытного общества сосредоточено в руках старшего поколения, являющегося носителем коллективного общественного опыта. Поскольку он никогда непосредственно не дается на столь ранней ступени развития и поскольку он всегда неизбежно и необходимо находится в противоречии с непосредственным индивидуальным опытом, он должен быть огражден от последнего и противостоять ему с гораздо большей убедительностью и силой. Такой результат получается лишь путем длительного исторического развития. Оно заключается во все большем отдалении действительно практического опыта от непосредственно-индивидуального»². Отсюда, вновь подчеркивает Выдра, ссылаясь на Леви-Брюля, возникает необходимость принудительной передачи навыков и представлений от более опытных и зрелых членов группы всем остальным.

Полемика Выдры и Богданова по вопросу об «алогизме» первобытного мышления — один из наиболее примечательных моментов в развитии данной темы. Богданов понимает «алогизм» мышления по принципу сопричастности (первобытного мышления) как следствие неопределенности первоначальных звуковых и мимических сигналов, происхождение которых связано с так называемыми неполными реакциями на внешние раздражители³. В отличие от полных реакций, которые предполагают повторение условий, при которых они возникли, и включают в себя три части — центростремительную (возбуждение периферических отделов

¹ Выдра Р. М. «Загадки» первобытного мышления и их разгадка // Под знаменем марксизма. 1925. № 7. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Богданов А. А. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник Коммунистической Академии. 1925. № 10. С. 81–82.

нервной системы), центральную (возбуждение центров нервной системы) и центробежную (иннервация, передача нервной энергии двигательному механизму), — неполные реакции возникают при частичном воспроизведении первоначальных условий. Причем, как поясняет Богданов, неполнота чаще всего касается «иннервации, влекущей мускульные сокращения: иногда происходит на деле только часть этих мускульных сокращений, иногда они вовсе не наблюдаются, и вся реакция идет не дальше «стремлений» и «двигательных образов», протекающих в поле сознания с различной опять-таки степенью полноты и интенсивности»¹.

Неполные реакции сопровождаются звуковыми и мимическими сигналами. Последние еще не имеют привязки к конкретной трудовой операции или ситуации, но скорее обозначают некоторую сферу активности (например, копание земли, яму, животное, роющее землю и т. п.), а иногда и прямо противоположные явления, вследствие того, что «противоположность всегда предполагает ряд условий, общих для той и другой стороны, без чего не может и возникнуть противопоставлений; а эта общая часть условий может вызывать и общую реакцию»². Таким образом, «алогизм» примитивного человека понимается Богдановым максимально широко, как тенденция к обобщению, связанная с природой простых реакций. Он противопоставляет ему логику культурного мышления, которое возникло в ходе дифференциации первоначальных реакций³, замечая, что алогический элемент не исчез из жизнедеятельности современного человека и проявляется, например, в художественном творчестве.

В противовес этому Выдра говорит о в высшей степени конкретном характере первобытного мышления, устанавливающего связи между такими сторонами явлений, которые сами по себе могут быть не связаны (к примеру, у туземцев Гвинейского залива это прибытие парохода и гроза, имевшая место за несколько дней до этого). Это не обобщение, основанное на неопределенности первичных звуковых и мимических сигналов, а особый тип мыш-

¹ Там же. С. 70.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 83.

ления, базирующийся на коллективных представлениях и законе сопричастия, несводимый к сочетанию естественных факторов¹. Выдре особенно важно зафиксировать этот момент: мышление социально обусловлено, его механизмы изменяются исторически и не являются естественными или врожденными. В этом отношении идеи Леви-Брюля согласуются с марксистской теорией, которая, как полагает Выдра, позволяет пойти дальше и в полной мере выявить связь мышления и противоречий социального бытия.

В середине — конце 1920-х годов дискуссия вокруг теории дологического мышления получает новое развитие. С одной стороны, появляются популярные сочинения, где о специфике мышления примитивных людей говорится в духе теории Леви-Брюля². С другой стороны, выходит ряд работ, специально посвященных проблеме дологического мышления. Среди них выделяются статьи Ф. Месина³ «Леви-Брюль и его теория прелогизма» (1929 г.) и В. И. Мамлеева «Проблема первобытной примитивной психики» (1930 г.).

Одним из слабых мест теории Леви-Брюля Месин считает слишком резкое противопоставление современного и первобытного мышления, связанное с односторонним и абстрактным пониманием того и другого. Мышление представителей цивилизованных обществ не столь логично, как представляет Леви-Брюль, подобно тому, как первобытные люди в своих действиях руководствуются не только чутьем и коллективными представлениями. Последние, по мысли Месина, охватывают лишь один аспект существования человека, а именно все то, что связано с религиозной жизнью. Коллективные представления, алогизм и принцип сопричастности не имеют того значения, которое приписывает им французский антрополог, их «сфера действия» ограничена. Если бы первобытные люди в своей жизни руководствовались только

¹ Выдра Р. М. Загадки... С. 162.

² Например, «Очерк истории общественных форм» П. И. Кушнера. См.: Кушнер П. И. Очерк развития общественных форм. М., 1926. С. 82, 85–86, 90, 94.

³ Псевдоним известной переводчицы философской литературы (преимущественно с французского языка) Ф. А. Коган-Бернштейн.

ими, не опираясь на опыт, индивидуальный и коллективный, они не смогли бы, например, организовать хозяйственную деятельность или создать какие-либо технические приспособления. Теория дологического — прелогического, как его называет Месин, — мышления совершенно незаслуженно пренебрегает технической и практической стороной жизни первобытных людей¹.

Месин говорит о производной роли религиозно-магических представлений, подчеркивая, что ее «они играют в своей специальной области. Если члены племени бороро отождествляли себя, по словам фон ден Штейнена, с попугаями араара, а индейцы племени гишоль находят эквивалентность между оленем, хикули и рожью, то это вовсе не значит, что они ставят знак полного равенства между этими различными вещами. Это частичное отождествление, которое лежит в основе всякого процесса абстрагирования, всякой классификации, как первобытной, так и самой современной. Правда, в основе этих сближений хикули с оленем и пр. — в отличие от критериев научной классификации — лежит отождествление не по осязательным, доступным проверке чувств, признакам, а по свойствам сверхчувственным. Но операции такого рода характерны не для первобытной мысли, как таковой, а вообще для религиозно-магической мысли. [...] Говоря это, мы вовсе не думаем отождествлять религиозного символизма с эстетической иллюзией, и характер соответствующих эмоций, и направленность их в обоих случаях совершенно различны. Мы хотели только подчеркнуть тот факт, что иррациональность религиозно-магических представлений ограниченная, локализованная. Поэтому «мистическое» отождествление оленя и хикули, хикули и ржи несколько не мешает первобытному человеку воспринимать так же хорошо, как и членам цивилизованных обществ, физические различия между этими вещами»². В этом смысле, по Месину, различия между коллективными, по сути, религиозными, представлениями низших обществ и религиозными представлениями современных людей не столь велики, как

¹ Месин Ф. Леви-Брюль и его теория прелогизма // Научное слово. 1929. № 9. С. 21.

² Там же. С. 25–26.

можно подумать после знакомства с идеями Леви-Брюля. Если рассматривать жизнедеятельность человека в целом, то их влияние ограничено. Психологические механизмы, задействованные в первом и во втором случае, схожи.

Теория дологического мышления, говорит исследователь, имеет ряд других недостатков. Прежде всего, в ней сравниваются народы, стоящие на разных ступенях развития. В подтверждение теории приводится огромное количество примеров, причем часто бессистемно и без учета важных нюансов. В частности, что касается феноменального развития памяти у примитивных людей, замечает Месин, австралиец на самом деле «способен распознать след любого из своих знакомых», но «в этом нет ничего особенного, если иметь в виду образ жизни этих бродячих охотников, глаз которых с детства приучается к распознаванию всякого вида следов»¹. И если даже речь идет о развитой памяти, то это может быть связано с отсутствием у примитивных людей абстрактных понятий и письменности. Аналогичным образом конкретность речи связана с недостаточным развитием абстрактной мысли. Идея об особом типе мышления у представителей таких сообществ с этой стороны не находит подтверждения.

По Месину, при дальнейшей разработке проблемы возникают все новые и новые противоречия. С одной стороны, логическое мышление современного человека описывается Леви-Брюлем как противоположное дологическому типу мышления, не знающему, к примеру, деления на субъект и объект, с другой, — утверждается, что логическое и дологическое сосуществуют и что их сосуществование есть неотъемлемая составляющая умственной деятельности современного человека. При этом, отмечает исследователь, понятие дологического (или прелогического) претерпело существенные изменения, и «противопоставляется теперь логическому не в плоскости познавательной», «а в плоскости переживания: прелогическое в наших обществах выражает потребность в сопричастности, означающей теперь опять-таки нечто иное, чем в формулировке закона сопричастности, именно

¹ Там же. С. 14.

означающей живое приобщение, реальный симбиоз человека с миром, растворение я в не я, уничтожение различия между субъектом и объектом, словом, означающей то встречающееся теперь в редких переживаниях мистического экстаза состояние, которое, по Леви-Брюлю, является будто бы нормальным уделом первобытного человека»¹.

С точки зрения Месина, нет оснований предполагать, что когда-то мышление человека было насквозь пронизано мифологическими (коллективными) представлениями. Последние возникли на сравнительно поздней ступени развития человека, к тому времени обладавшего уже орудиями труда, начатками речи и определенным логическим аппаратом. Для Месина логическое предшествует прелогическому, «обуславливает его на всех дальнейших этапах истории», поскольку, продолжает он, «религия (в которую для простоты суждения мы включаем здесь и магические представления), как идеологически искаженное восприятие действительности, может существовать лишь при наличии известного — низкого — уровня научно-технической (=логической) мысли, определяемого, в свою очередь, низким уровнем экономики общества»².

Попытки связать теорию дологического мышления с марксизмом, по Месину, обречены на провал. Чтобы показать это, он приводит в пример работы Выдры, критикуя его за чрезмерное увлечение разработками французской социологической школы. В построениях Выдры Месина смущает как слишком сильный акцент на коллективном характере первобытного мышления, (как будто сам Леви-Брюль исключал в нем всякий индивидуальный элемент), так и идея о насильственном замещении индивидуального опыта в целях поддержания равновесия между социальной группой и окружающей средой. Получается, что примитивные люди сначала путем научения передают неколлективные представления, касающиеся их практической жизни (охоты на животных, например), тогда как во время посвящения им сообщаются

¹ Там же. С. 31–32.

² Там же. С. 34.

религиозно-магические, коллективные в собственном смысле слова, представления. Но, спрашивает Месин, может ли в последних заключаться объективный момент, который ищет Выдра? И отвечает: либо Выдра действительно полагает, что во время посвящения человеку сообщаются сведения, от которых объективно зависит жизнь племени (практические навыки), либо он стоит на позициях примитивного человека и считает мистические представления основой существования племени, либо (Месин склоняется к этому варианту) Выдра просто попал под влияние французской социологической школы и вместе с представителями последней готов признать коллективные представления, независимо от их содержания, фундаментом социальной группы.

В итоге Месин выделяет два положительных момента теории дологического мышления: то, что на первый план выдвигается коллективный, социальный характер представлений примитивных людей, и то, что ею была поставлена проблема специфики их мышления. Главными недостатками, по мнению исследователя, являются одностороннее подчеркивание алогизма и, как следствие, противопоставление первобытного и современного типов мышления, а также то, что связь мышления с социальным контекстом остается нераскрытой.

Промежуточные итоги дискуссии о специфике мышления примитивных людей подводит В. И. Мамлеев. Он выделяет три подхода к решению проблемы¹: в рамках первого из них, хронологически самого раннего, признается большая или меньшая неизменность человеческого мышления на всем протяжении исторического развития (Спенсер, Тайлор, Фрезер), второй подход, который разрабатывает Леви-Брюль и его школа, утверждает качественное своеобразие первобытного мышления, наконец, модель Р. Турнвальда, пытающегося преодолеть ограниченность первых двух схем, предполагает, что современные формы мышления в первоначальном состоянии есть уже у первобытного человека. Что касается теории дологического мышления, то,

¹ Мамлеев В. И. Проблема первобытной примитивной психики // Антирелигиозник. 1930. № 5. С. 30–41.

принимая критические выводы Месина, Мамлеев идет дальше и задается вопросом: «Если имеются в первобытной психике пласты логического мышления, а в современной крупные отрезки прелогического (религиозного, по мнению Ф. Месина), то это еще не устраняет вопроса о том, не есть ли то и другое мышление как целое в реальном единстве своих моментов в условиях первобытного хозяйства нечто своеобразное? Или, может быть, правы те, которые стоят на точке зрения неизменности человеческого мышления? Или, может быть, правы те, которые, признавая развитие человеческой психики, рассматривают его только как процесс количественного усложнения?»¹.

Для решения этой общей проблемы с марксистской точки зрения, говорит Мамлеев, нужно ответить на два вопроса: правильно ли утверждение об изменчивости и историческом развитии человеческой психики, и какой характер имеет это развитие. На первый вопрос исследователь дает положительный ответ, замечая, что главной заслугой Леви-Брюля как раз является идея об исторической изменчивости содержания и форм человеческого мышления. Но в его теории качественное своеобразие первобытного мышления абсолютизируется не только в том смысле, что оно отрывается от социальной основы, на что обратил внимание уже Выдра, но и в том, что оно «механически сосуществует в своей противоположности (в пространстве и во времени) рядом с высшим типом мышления»².

Таким образом получается противопоставление двух форм мысли, тогда как, утверждает Мамлеев, «мы имеем реальное единство того и другого»³, благодаря которому дологическое мышление перестает быть оторванным от жизни, а логическое выступает в неразвитом виде. В этом отношении неправ Месин, поскольку он не видит, что сосуществование указанных типов является не механическим, но реальным, характерным для первоначального этапа развития человеческого мышления, содержащего в себе элементы более развитых форм. По Мамлееву, примитив-

¹ Мамлеев В. И. Проблема... № 6. С. 51.

² Там же.

³ Там же.

ный человек рассуждает и действует вполне логично, но логика здесь «является окаймленной, оформленной в различного рода субъективные отношения»¹, которые Леви-Брюль рассматривает как проявления закона сопричастности. Таким образом, в своих работах исследователь занимает компромиссную позицию: он проблематизирует понятие дологического мышления и в то же время не во всем соглашается с Выдрой и Месиным.

Умеренную позицию в отношении идеи дологического мышления выражает П. Ф. Преображенский. Анализируя идеи Ф. Боаса и его учеников, — представителей американской антропологической школы, он отмечает, что хотя эмпирические исследования свидетельствуют о некоторых особенностях мышления примитивных людей (в первую очередь о большей связи со сферой эмоций), у нас нет оснований для вывода о принципиальных отличиях мышления современных малокультурных народов от мышления европейцев. В таком обобщении, помимо прочего, сказывается и то, что в отличие от Боаса и его учеников, антропологов, этнографов, полевых исследователей, Леви-Брюль — философ и теоретик. По Преображенскому, «осторожность Боаса в приписывании уму малокультурного человека целого ряда мистических ассоциаций не только свойственна американской этнологии вообще (Гольденвейзер, Леви), но и более близка к истине»².

Следующим важным этапом развития рассматриваемой дискуссии стал выход в свет в 1930 году книги Л. С. Выготского и А. Р. Лурии «Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок»³. Подробное изложение идей, высказанных в этой работе, выходит далеко за рамки тематики нашего исследования, поэтому остановимся лишь на некоторых моментах.

В числе достижений Леви-Брюля называются: 1) объяснение мышления примитивных людей исходя из характера и струк-

¹ Там же. С. 52. См. также: Мамлеев В. И. Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление // Антирелигиозник. 1930. № 4. С. 99–101.

² Преображенский П. Ф. Боас Ф. Ум первобытного человека. Пер. с англ. А. М. Водена. М.-Л., 1926 // Печать и революция. 1926. № 4. С. 169.

³ Выготский Л. С. Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.-Л., 1930.

туры сообществ¹; 2) идея о том, что «самый тип мышления и поведения представляет собою исторически изменяющуюся величину, что психологическая природа человека так же меняется в процессе исторического развития, как и его природа общественная»². Иными словами, здесь, как у Выдры и Мамлеева, в качестве ключевого момента теории французского антрополога выделяется постановка проблемы исторического развития мышления.

Показательны примеры из сочинений Леви-Брюля, которые приводят Выготский и Лурия. Так, их внимание привлекли указания на феноменальное развитие конкретной памяти у примитивных людей, которые способны запоминать и воспроизводить все детали вплоть до мельчайших в том порядке, в каком они следовали. Эта память, по мнению психологов, близка эйдетической — памяти особого рода, позволяющей человеку как бы видеть предмет или комплекс предметов, который до этого находился перед его глазами, детально запоминать и воспроизводить зрительную информацию (такая память нередко встречается у детей и у художников). Исследованиями эйдетизма в то время активно занимался немецкий психолог Э. Йенш со своими учениками. Возможно, предполагают Выготский и Лурия, эйдетизм — самая ранняя фаза развития памяти: «Эта форма памяти является биологически очень важной поскольку, поскольку она, развиваясь, превращается в две другие формы памяти. Во-первых, как показывает исследование, эйдетические образы по мере развития сливаются с нашими восприятиями и придают этим восприятиям устойчивый, постоянный характер. С другой стороны, они превращаются в зрительные образы памяти в собственном смысле этого слова»³. Этот вид памяти у примитивных людей достигает наивысшего развития, после чего начинается период, когда создаются искусственные знаки, а также вспомогательные орудия памяти (вроде узелков, завязываемых «на память», специальных фигурок, помогающих вспомнить сказку и т. п.).

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 76–77.

Другой момент, который выделяют психологи, — богатство словаря примитивных народов, способного выражать мельчайшие детали (почти все объекты имеют свои названия), опять же связанное с особенностями памяти. У такого языка есть преимущество: он «позволяет примитивному человеку с необычайной точностью иметь в своем распоряжении как бы двойники всех предметов, с которыми он имеет дело»¹, то есть является надежным ориентиром в окружающем мире. В то же время язык, перегруженный деталями, не перерабатывает данные опыта, воспроизводит их, как они были в действительности. Слова еще не в полной мере отделились от вещей, они по-прежнему тесно связаны с непосредственным чувственным впечатлением.

Выготский и Лурия не во всем принимают теорию дологического мышления. По их мнению, в последней переоценена роль магического элемента в жизни примитивных народов. С одной стороны, говорят психологи со ссылкой на Турнвальда, существуют народы, у которых магии нет. Для ее возникновения должны сложиться соответствующие условия (определенный уровень развития техники, мышления и речи)². С другой стороны, человек в своей практической деятельности, в овладении силами природы и собственным поведением, руководствуется не мистическим, а вполне логическим мышлением. Магия не изначальна, и когда она появляется, то ею не исчерпывается жизнедеятельность человека, в частности остается еще достаточно обширная сфера технических навыков³. Поэтому главной ошибкой Леви-Брюля называется недооценка «технической деятельности, практического интеллекта примитивного человека, того бесконечно поднявшегося над операциями шимпанзе, но генетически связанного с ним употребления орудий, которое в корнях своих не имеет ничего общего с магией. Мышление примитива Леви-Брюль часто ошибочно отождествляет с его инстинктивной и автоматической деятельностью»⁴.

¹ Там же. С. 90.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же.

Как можно видеть, указанные критические замечания схожи с теми, которые выдвигает Месин, и в целом достаточно характерны. Вместе с тем связь с эйдетической памятью и теория знака, которую развивают Выготский и Лурия, дополняя ее примерами и соображениями, относящимися к проблеме мышления примитивных людей, — то новое, что будет воспринято и найдет выражение в дальнейшем развитии дискуссии. Ее следующий — очный — этап связан с докладом Р. М. Выдры «О дологическом мышлении», который он сделал в декабре 1930 года на заседании Института философии Коммунистической академии¹.

Касаясь значения проблемы, которой посвящен доклад, Выдра говорит²: «Изучение жизни первобытных обществ, а особенно идеологии первобытных обществ, имеет для нас значение и с той точки зрения, что эта идеология или одна сторона этой идеологии — мышление, форма мышления — представляют собой определенный этап в развитии нашего мышления»³. Это заявление явно указывает на философский аспект дискуссии о дологическом мышлении. На первый план выходит вопрос об одном из этапов развития мышления, предшествовавших диалектическому⁴, о предполагаемом исходном пункте человеческого мышления⁵. Попытки обнаружить его, основываясь на ассоциации идей, принципах причинности и аналогии в рамках анимистической теории, не увенчались успехом: все это признаки достаточно высокой степени развития мысли, на что указывал уже Вундт. Концепция Леви-Брюля рассматривается Выдрой как альтернатива анимистической традиции.

Вместе с обстоятельным изложением взглядов французского ученого, сопровождаемым критическими замечаниями⁶, Выдра обращается к связи теории дологического мышления и совре-

¹ К этому времени в издательстве «Атеист» вышел русский перевод «Первобытного мышления» с предисловием Леви-Брюля и редакторов перевода.

² Здесь и далее в цитатах сохранены стиль и орфография стенограммы.

³ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 100. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Ср.: Выдра Р. М. Объективный момент... С. 113–114.

⁶ Эти моменты мы здесь опускаем, так как о них шла речь выше.

менной психологии. Так, немецкий психиатр Адольф Шторх проводит аналогию поведения, мышления и языка примитивных людей, как их описывает Леви-Брюль, и шизофреников. Он обращает внимание на конкретный характер такого мышления: «Самое простое описание самого простого действия заставляет его (человека примитивной культуры. — Д. Д.) дать целую картину со всеми подробностями положения, состояния, в котором он сам находился, со всеми подробностями состояния объекта, на который он воздействовал. Таким образом в его мышлении выступают не отдельные стороны, не отдельные свойства, взятые в их совокупности, ассоциации, а [...] отрезки действительности, взятые как целое со всеми подробностями»¹. По Шторху, примитивное мышление представляет собой этап онтогенетического развития, низовой слой, который сохраняется в нас и дает о себе знать в ситуации болезни. Для Выдры такая точка зрения неприемлема: «Теория Леви-Брюля [...] терпит здесь чрезвычайно жестокий ущерб, потому что основной ее принцип — коллективности, традиционности, навязанности представлений — здесь ни при чем, если все это автоматически откладывается в виде определенных нервных центров» и автоматически пробуждается в нас под воздействием негативных факторов»².

Э. Йенш, один из первых исследователей эйдетизма, как мы уже видели, также попытался включить разработки Леви-Брюля в свою теорию. Мышление примитивных людей, по Йеншу, есть мышление эйдетическое. Однако, говорит Выдра, если встать на точку зрения, что представления людей примитивной культуры возникают на основе эйдетической способности, «то они должны обладать той текучестью, тем быстро проходящим характером, которым обладает само это явление эйдетизма»³. Между тем, продолжает он, «мы можем констатировать на основе достаточно большого количества изученных материалов, что как раз те [...] представления, которые мы находим у примитивов, обладают чрезвычайно значительной устойчивостью, они не

¹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 100. Л. 33.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 38.

предоставляются на произвол людей, на произвол индивидуума с его эйдетической способностью»¹. К тому же, эти представления ревниво охраняются. Всеобщая распространенность парциального мышления, по Выдре, объясняется не эйдетической способностью, а общностью социальных форм и инерцией самих этих представлений.

Исходя из этого, исследователь ставит задачу изучить возникновение и развитие мышления в связи с практической деятельностью примитивных людей, не ограничиваясь только сферой идеологии и вопросом о формах мышления, которым по преимуществу занимался Леви-Брюль. Важно не просто зафиксировать наличие некоторых форм, но и понять, как они развивались, то есть включить в рассмотрение динамический аспект, а также раскрыть обратное влияние формы мышления на человеческую деятельность².

Ряд тезисов был уточнен в ходе дискуссии. В частности, на вопрос Н. П. Токина о том, из каких производственных процессов могли следовать соответствующие элементы мифологического мышления, какова его реальная основа, и в ответ на замечание, что в своих статьях Выдра мог бы приступить к исследованию этих вопросов, докладчик ответил, что занялся данной проблемой, «поскольку она имела отношение к мышлению»³, то есть его исследование носило общий, по существу философский характер. Конкретные исследования, по его мнению, еще впереди. При этом Выдра ушел от ответа на вопрос В. К. Никольского, был ли период, предшествующий дологическому мышлению, сославшись на то, что он совершенно не изучен.

Раскрывая подробнее свое отношение к идее Шторха о сохранении в психике современного человека «остатков» старого мышления и возможности их активации, Выдра заметил, что здесь имеет место упрощение: «Шторх допускает, что эти [...] представления существуют в голове всякого из нас, как низшие центры деятельности по сравнению с теми центрами, которые действуют, а это

¹ Там же.

² Там же. Л. 46–49.

³ Там же. Л. 58.

является большой натяжкой и механистическим перенесением всех этих представлений, которые мы находим у первобытного человека, в форме биологического наследия, благоприобретенного наследия. Я признаю передачу устную, передачу всякого рода церемониалов и т. д. То использование, которое сделал Шторх из теории Леви-Брюля, является неправильным»¹. Иными словами, Выдра не считает возможным говорить о биологических механизмах, позволяющих возвращаться к более ранним ступеням мышления или способам действия.

Дальнейшее обсуждение проблемы также представляет интерес. Н. П. Токин поддержал вывод о том, что дологическое мышление не является изначальным типом мышления, и оно имело место на определенной ступени развития человека. На какой именно, Леви-Брюль не объясняет и не может объяснить, поскольку рассматривает факты вне контекста, изолированно, в частности, обнаруживая некоторое сходное положение дел у разных народов и на этом основании заключая о его распространенности. Для Леви-Брюля, утверждает Токин, важны не детали, а своеобразие явления. Следовательно, задача исследователей-практиков заключается в том, чтобы выяснить условия, в которых данный тип мышления стал возможным. Вместе с тем можно и нужно говорить не только о влиянии на мышление конкретной ситуации и определенных условий существования, но и об обратном влиянии на базис, как их называет Токин, «мистических надстроек», когда «человеческая практика окрашивается в моменты магического порядка»². Речь идет не только о мышлении, но о практической жизни, в которой сверхъестественное слито с реальным; о практике, которая представляется как некая мистическая сила. Этот момент, по мнению исследователя, верно подметил, но не сумел объяснить Леви-Брюль.

П. Г. Малинкин не согласен с Токиным в том, что под типом мышления Леви-Брюль понимает только содержание тех представлений, которые он разбирает. Напротив, он подчеркивает,

¹ Там же. Л. 60.

² Там же. Л. 82.

что «под типом мышления Леви-Брюль понимает определенную форму мышления»; соответственно вопрос в том, насколько последняя выдерживает методологическую критику со стороны марксизма¹. Главным недостатком теории французского ученого Малинкин считает неправомерный разрыв дологического и логического мышления. Если принять идею об историческом характере психики, то до некоторой степени можно признать своеобразие восприятия мира и внешних объектов в зависимости от времени. Но этот момент нельзя абсолютизировать. Между дологическим и логическим мышлением, по мнению Малинкина, есть органическая связь, обусловленная их общим происхождением. Что касается коллективных представлений, то их описание, указывает Малинкин, выглядит несколько абстрактным. Они как будто бы находятся вне субъекта, образуя какую-то особенную сферу. Напротив, коллективные представления относятся к сфере общественной психологии, а индивидуальные — к индивидуальной, и все они связаны с конкретными носителями, людьми.

Вслед за П. Г. Малинкиным к вопросам, связанным с делением представлений на коллективные и индивидуальные, обращается С. А. Токарев. Коллективные представления, подчеркивает он, в теории дологического мышления имеют особенное положение. Едва ли не все содержание сознания представителей малокультурных народов Леви-Брюль сводит к коллективным представлениям, тогда как для индивидуальных почти не остается места. Принципом сопричастия, связи коллективных представлений, у него управляют и системы исчисления, и разные обычаи и т. д. Задача, говорит Токарев, состоит в том, чтобы показать, где установленные Леви-Брюлем закономерности действительно проявляются, а где нет, для чего необходимо изучать факты. В этом смысле Токарев поддерживает Токина и отчасти Выдру.

По Токареву, те или иные верования складываются на основе некоторых общественных отношений. Он разделяет объект и субъект верований, имея в виду под последним определенные социальные группы. Сфера коллективных представлений — это не

¹ Там же. Л. 89.

вся жизнь примитивного человека, а именно религиозная жизнь, область действия духовного авторитета, принадлежавшего на ранних стадиях общественного развития группам шаманов, знахарей и т. д. Благодаря этому закладываются основания будущей структуры общества¹. Таким образом, здесь мы встречаемся с характерной для исследователей-марксистов точкой зрения: дологическое мышление действует в определенных рамках, в конкретной сфере общественной жизни.

В свою очередь, А. А. Ческис обратил внимание на то, что в докладе Выдры не была в достаточной мере раскрыта связь теории дологического мышления Леви-Брюля с теорией Дюркгейма. Первая оказалась вырванной из контекста разработок французской социологической школы. Что касается самой теории, то мы не найдем в ней ответы на ряд ключевых вопросов, например, о том, предшествовало ли дологическое мышление логическому или существовало с ним одновременно, есть ли законы мышления, присущие всем примитивным обществам, связаны ли они с определенными общественными отношениями. Леви-Брюль просто уходит от этих вопросов, называя свою теорию «рабочей гипотезой».

Можно ли методологически принять ее и как-то связать с марксистской теорией? Ческис предлагает различать диалектическое и формальное мышление. Диалектическое мышление существовало в той или иной мере всегда. Объединение по принципу партиципации, с точки зрения Ческиса, также включает элементы диалектики. Он говорит: «Закон пацисипации говорит о конкретном мышлении, о конкретных понятиях, о том мышлении, которое охватывает не отдельное явление, изолируя его, отрывая его от контекста, наоборот, связывая даже больше, чем следует»². Отличие связей, устанавливаемых современным человеком, от связей, которые устанавливает человек примитивной культуры, состоит в том, что первые, учитывающие результаты научной работы и опытные данные, соответствуют действитель-

¹ Там же. Л. 101.

² Там же. Л. 105.

ности, тогда как вторые случайны: «Он (примитивный человек. — Д. Д.) брал конкретно каждое явление в связи с целым рядом других явлений. Но связь, взятая им, была такой связью, которая не давала возможности понять явления — это была чисто случайная связь со всеми другими явлениями, чисто случайная последовательность и т. д. Таким образом получалось такого рода понимание или понятие, которое включало в себя целый ряд других конкретных моментов, по существу даже не бывших связанными между собой»¹.

В теории Леви-Брюля верно подчеркивается конкретный характер мышления примитивного человека. Оно, продолжает Ческис, более конкретно, чем мышление современных людей, — в том смысле, что оно еще не является систематическим, понятийным мышлением. «Задача диалектики заключается в том, чтобы научить [...] конкретно мыслить, но конкретно мыслить на новой ступени, не так, как мыслил первобытный человек, но [...] как, в конце концов, мыслит современный человек, который умеет принимать все результаты, которые были приобретены знанием, наукой, опытом и т. д.»².

Ческис, как и другие участники дискуссии, принимает идею историчности мышления. По его мнению, хотя Леви-Брюль ничего не говорит об общественных отношениях, сама идея, что мышление по форме и содержанию определяется общественным устройством, у него есть. Вместе с тем он не смог показать развитие конкретных форм, поскольку подошел к вопросу не как диалектик.

В завершение доклада и обсуждения Выдра еще раз подчеркнул, что его интерес к этой теме имеет философский характер: он возник при изучении «Феноменологии духа» Гегеля — тех мест, где говорится об исходном пункте сознания. Выдра предположил, что этот исходный пункт не совсем прост, обратился к современным исследованиям и таким образом пришел к теории Леви-Брюля³.

¹ Там же. Л. 107.

² Там же.

³ Там же. Л. 113–114.

Реагируя на замечания и реплики, Выдра подчеркивает, что французский ученый колеблется, и из его работ однозначно не следует, можно ли признать дологическое мышление обособленной стадией развития мышления и сохраняется ли оно на современном этапе. «Он подходит к примитивам не для того, чтобы выяснить, какова ступень развития их мышления, а он подходит к ним для того, чтобы, так сказать, у них нащупать осязательного эту постоянно сохраняющуюся [...] способность человеческой мысли, это пралогическое мышление»¹. Поэтому он так неразборчив в примерах и сравнивает народы, стоящие на разных ступенях развития. Для него важно подчеркнуть своеобразие самого типа мышления.

В заключительном слове Выдры прослеживается усиление обвинений в адрес Леви-Брюля, который отрывает мышление от опыта, от практики, неправомерно расширяет действие формального закона партиципации (и потому является формалистом), неправильно понимает принцип исключения противоречия как свойство интеллектуализма, чуждого первобытному мышлению.

Выдра по-прежнему согласен с Леви-Брюлем в том, что мышление первобытных людей принципиально отлично от нашего. Они мыслят комплексами, в которых существенное не отделено от несущественного, «отражениями отрезков действительности»², включенными в эмоциональные связи и практические отношения. Этот тип мышления не является изначальным, он представляет собой продукт длительного развития. Соответственно, говорит Выдра, присоединяясь к выступавшим до него, нужно показать исторические условия, при которых возник этот тип мышления.

В. К. Никольский, взявший слово в самом конце (вместо Выготского и Лурии, которые не смогли присутствовать³), внес несколько важных с марксистской точки зрения уточнений. Во-первых, отметил он, в теории дологического мышления не показано, каким образом в первобытном мышлении возрастает логический

¹ Там же. Л. 115.

² Там же. Л. 122.

³ Там же. Л. 113.

элемент и как впоследствии он «взрывает» свою основу, а потому не улавливается диалектика. Во-вторых, первобытное мышление сложнее, чем представляет Леви-Брюль. Оно развивается под влиянием общественных условий, и в нем можно выделить градации. На высокой ступени в нем заметна противоположность субъекта и объекта. В этом смысле оно диалектично. В нем действует принцип причинности, но причинность здесь предстает в «перевернутом» виде. В-третьих, Леви-Брюль не отождествляет дологическое мышление и мышление вообще, он просто вырывает из целого одну часть, мышление, основанное на принципе партиципации, и подробно ее исследует. Это можно считать одним из слабых мест рассматриваемой теории. Что касается понятия коллективных представлений, то, по Никольскому, Леви-Брюль использует его, чтобы снять крайности социологического материализма (Дюринг) и индивидуализма (Тард)¹. При этом он тонко и верно раскрывает специфику этих представлений, в частности их эмоциональную окрашенность и несоответствие законам формальной логики².

Значение дискуссии, заочной (в форме полемических статей) и очной (доклад Р. М. Выдры и его последующее обсуждение), рассмотренной нами в настоящей статье, заключается прежде всего в том, что она дала новый импульс разработке широкого круга вопросов, связанных с развитием мышления, памяти, речи, в том числе установлением факторов, влияющих на ход этих процессов, в исследованиях на стыке различных дисциплин — философии, психологии, антропологии и т. д. Междисциплинарный подход к этим вопросам демонстрируют сочинения Выдры, Месина, Мамлеева и в особенности труд Выготского и Лурии, которые, как мы уже говорили, обращаются к примерам из сочинений Леви-Брюля и в своем изложении ссылаются, иногда в критическом ключе, на теорию дологического мышления. Во многом благодаря работе Выготского и Лурии проблемы происхождения и развития высших психических функций, соотношения биологического и социального факторов в

¹ Там же. Л. 132.

² См. также: Никольский В. К. Предисловие // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. XVII.

этом процессе стали одними из ключевых в советской психологии мышления¹.

Как мы увидели, по отношению к теории дологического мышления исследователи 1920-х годов занимали разные позиции. С одной стороны, предпринимались попытки соединить эту теорию с марксизмом (Выдра), с другой, — появлялись публикации, в которых эти два подхода противопоставлялись друг другу (Месин). Позицию отдельных исследователей тех лет (Мамлеев) можно охарактеризовать как умеренную. В большинстве случаев, даже при критическом отношении к теории дологического мышления в целом, принимается идея социальной обусловленности мышления и представлений человека. Исследователи в основном согласны с такими характеристиками исторически ранних этапов мышления, как образный характер, связь с эмоциональной сферой, с моторными реакциями, меньшая чувствительность к противоречиям, установление отношений между объектами внешнего мира исходя не из объективных свойств, а из воспринятых субъектом коллективных представлений. Ценным им представляется фактический материал, приведенный французским ученым. Анализ указанных свойств был значим для психологии религии того периода, в том числе для формировавшегося марксистского подхода.

Основные возражения вызывал слишком сильный разрыв между мышлением примитивных и современных людей. Чаще всего его объясняли тем, что первое рассматривалось в отрыве от практической (хозяйственной) жизни примитивных народов. Вместе с тем возникал вопрос о том, что такое коллективные представления, которым, согласно теории Леви-Брюля (следовавшего в этом за Дюркгеймом), отводится значительное, едва ли не главное место в жизнедеятельности человека. При этом, как подчеркивалось в ходе проанализированного выше обсуждения, на долю индивидуальных представлений не остается почти ничего. Месин, Мамлеев и Токарев, стремившиеся избежать чрезмерной широты и дать более конкретное определение коллективных

¹ Брушлинский А. В. «Культурно-историческая» теория мышления // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966. С. 124–126.

представлений, понимали последние как религиозные представления в собственном смысле слова, определяющие направление мыслей и действий человека в известных границах. Проследить развитие этих представлений, показать их различия в зависимости от типа общественной организации — задачи, которые ставят исследователи-марксисты. Речь, таким образом, идет не об установлении всеобщих закономерностей, а о том, чтобы выяснить условия, при которых стали возможными подобные особенности мышления и представлений, и понять, как происходит процесс их разложения, до сих пор незавершенный¹. Психологический анализ должен быть дополнен социологическим, а также изучением форм хозяйственной жизни. Дискуссия о дологическом мышлении — начало работы в этом направлении.

Примечательно, что подход, сочетающий элементы психологического и социологического анализа, сохранился в дальнейшем. На протяжении советского периода психология религии рассматривалась как часть социальной психологии².

В своем стремлении раскрыть социальную природу мышления и представлений человека Выдра не только отрицает возможность их биологической передачи вместе с определенными «низшими центрами», как предполагает Шторх, но и достаточно критически настроен по отношению к идеям Йенша об эйдетической памяти примитивных людей, которая ответственна за формирование представлений, поскольку последняя предполагает действие врожденных механизмов. Схожим образом ранее в статьях, посвященных критике теории Богданова, Выдра показывает, что с марксистских позиций анализ труда как системы рефлексов является неудовлетворительным, как и применение результатов такого анализа при решении вопроса о происхождении сложных форм человеческого поведения, в том числе религиозного³. В це-

¹ Миллер А. Д. Проблема примитивного мышления // Психология. 1929. Т. II. Вып. 1. С. 146.

² См., например: Попова М. А. О психологии религии. М., 1969. С. 6. Ее же. Критика психологической апологии религии. М., 1973. С. 164. Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М., 1985. С. 207.

³ Ср. критику теорий, сводящих религиозность к инстинктам или наследуе-

лом противостояние «биологизму» в науках о культуре и религии характерно для рассматриваемого периода.

Мы уже указывали, что дискуссия о дологическом мышлении имела свои истоки в области проблем на стыке философии и психологии. В этом смысле характерна попытка Выдры связать теорию Леви-Брюля и марксизм, аналогичная опытам соединения различных теоретических моделей (например фрейдизма и марксизма), которые неизбежно приводили к полемике, продолжавшейся, как правило, до начала 1930-х годов. Показательны аргументы, выдвигаемые сторонами в печатных публикациях и в обсуждении, и развитие дискуссии, которое мы постарались проследить. Возникавшие проблемы требовали реакции, привлечения новых данных и источников, становились стимулом для развития отдельных направлений исследований, открывавших, в свою очередь, новые взаимосвязи и перспективы. Рассмотренная дискуссия представляет собой заметный фрагмент интеллектуальной жизни 1920-х годов — эпохи напряженных поисков и столкновения мнений.

мым свойствам, у В. И. Мамлеева: Мамлеев В. И. Поведение без инстинкта и «религиозный инстинкт» // Атеист. 1930. № 56–57. С. 113–127.

THE DISCUSSION OF PRELOGICAL THINKING IN THE SOVIET PSYCHOLOGY OF RELIGION OF THE 1920s.

David Damte

The article addresses the discussion of Soviet psychologists and philosophers in the 1920s, dedicated to Lucien Levy-Bruhl's theory of prelogical thinking. The author reveals the main stages of the polemics and the contribution of specific researchers (R.M. Vydra, A.A. Bogdanov, F. Mesin (F.A. Kogan-Bernstein), V.I. Mamleev, and others) in solving the problems risen during the discussion. Accepting the idea of social conditioning of human thinking and representations, researchers considered the main drawbacks of the Levi-Bruhl theory to be too strong a gap between the thinking of primitive and modern people and insufficient development of the concept of collective representations. The little-studied sources and archival materials, in particular documents related to the activities of the Institute of Philosophy of the Communist Academy, have been analyzed and brought into scientific circulation in this work. The significance of the discussion lies in the context of general psychological and philosophical research of those years devoted to the problem of thinking, and more specifically, the discussion of the question of the specificity of religious consciousness and religious perceptions, crucial for the psychology of religion.